«ССЫЛЬНЫЙ НЕБОЖИТЕЛЬ»

На земле, как ссыльный небожитель,
К небу, к небу устремлял он взгляд.
Там не скажут: "Пропуск предъявите!" -
Если сзади крылья шелестят.

Там родные: ангелы и птицы,
Звёзды не дадут пропасть во мгле...
Невозможно в небе заблудиться,
Очень просто сгинуть на земле.

Средь железных мог ли жить хрустальный,
Так, чтоб не разбиться на пути?
Где-то на Востоке, очень Дальнем,
И могилы даже не найти...

Светлана Соложенкина

История вышеприведенного эпиграфа к этому очерку о Марке Исаевиче Шмерлинге непроста. Последнее его четверостишие нашла в каком-то журнале осенью 1992 года сестра Марка Ида Стернина – Дуся, как все ее называли. Она продиктовала четверостишие по телефону моей маме – Бетти Шмерлинг, а та, уже будучи близка к смертной агонии, записала стихи на конверте с фотографией Марка. Разбирая недавно свой генеалогический архив, я наткнулся на мамину запись четверостишия, пошел в Интернет и нашел там вынесенное в эпиграф стихотворение «Ссыльный небожитель» московской поэтессы и художницы Светланы Соложенкиной. Не знаю, кому были посвящены эти строки, но меня буквально пронзило сходство поэтического образа стихотворения с образом Марка, меня воистину потрясло, как несколькими короткими фразами, с поразительными буквальными совпадениями, высечена его трагическая судьба... Нужны ли еще какие-то сухие прозаические сведения после этих душераздирающих слов? Впрочем – судите сами...

Марк Шмерлинг родился 27 февраля 1920 года в Витебске, его раннее детство прошло в доме родителей – Исая и Розы Шмерлинг – на Задуновской улице. Марк был желанным и долгожданным ребенком в семье: после рождения двух девочек отец Исай мечтал о сыне, который продолжит род Шмерлингов, мать Роза была счастлива, что наконец-то исполнила страстное желание мужа, сестры Марка Ида и Бетти, которые были на 14 и 9 лет старше его, с восторгом восприняли появление маленького братика, очень любили и опекали его, вкладывая в это и сестринские, и нарождающиеся материнские чувства. Родители назвали сына в честь Марка Шагала, всеобщего витебского любимца, который после революции по поручению наркома Анатолия Луначарского блистал на витебском небосклоне в роли главного губернского комиссара по искусству и культуре. В семье Шмерлингов сохранялось особо теплое отношение к Марку Шагалу – ведь никто иной как Роза устроила юного Марка Шагала, тогда еще Мовше Сегала, учиться рисованию в школу Иегуды Пэна.

Я с трепетом начинаю свой рассказ о Марке Шмерлинге, заранее опасаясь, что не сумею раскрыть должным образом трагедию его короткой жизни. Марк принадлежал к поколению мужчин, чья гибельная судьба была едва ли не фатально предрешена годом их рождения – в страшном 1941-м им исполнялся 21 год, и на них замыкался главный удар беспощадной войны. Из того поколения мало кто дожил до победы, почти все мужчины с годом рождения вокруг цифры 1920 погибли в тяжелейших боях 1941–42 годов, когда средний срок жизни красноармейца на передовой исчислялся несколькими днями. Марк был одним из тех немногих, рожденных в 1920-м, кто дожил до победы, но тем ужаснее была катастрофа – он погиб после победы, осенью того победного 1945-го, когда почти никто уже не погибал. Все в трагической судьбе Марка вопиет – и чудовищный разрыв между возлагавшимися на него надеждами и катастрофическим финалом, и тупая обыденность методов тоталитарного режима, приведших необычайно талантливого человека к тому, чтобы *«очень просто сгинуть на земле».*

**«Мадонна с младенцем» –
Розе Шмерлинг было 34 года, когда она родила Марка на радость всем близким.
(Витебск, 1920 год)**

**Марк с мамой Розой и сестрами Идой и Бетти.
(Витебск, 1921 год)**

Детство и юность Марка были относительно благополучными и, пожалуй, даже счастливыми – он был окружен всеобщей заботой и лаской. На фотографиях 1920-х годов мы видим очаровательного мальчика с длинными кудрями под девочку – это, вероятно, старания его старших сестер.

С 1927-го по 1933-й год Марик учился в Витебской школе. Мать Роза и сестры Ида и Бетти добавляли к его школьным предметам чтение книг, французский язык и музыку. В 1928 году у Марка появился племянник Лёня – сын старшей сестры Иды, он полюбил его как своего младшего брата. В 1933 году семья переехала в подмосковный поселок Новогиреево – Ида стала учительствовать в местной средней школе, а 13-летний Марк пошел в 7-й класс этой школы. Вот как Ида описывает школьные успехи своего младшего брата:

«С 7-го класса он учился в Новогиреевской школе, где я работала. В его классе я не вела математику. Учителя, работавшие в его классе, удивлялись: "Явно не слушает объяснения, читает постороннюю книжку. Задаешь ему вопрос, ответ еще более глубокий, чем мое объяснение"... Много лет спустя наши учителя на педсовете при обсуждении отличников говорили: "Разве это отличник? Вот был у нас Шмерлинг – таких больше нет"...»

Короче говоря, Марк был вундеркиндом! Он поражал окружающих своими обширными знаниями и блестящими способностями и в дальнейшем, на протяжении всей своей короткой жизни, он, я думаю, поразил бы весь мир, если бы его грубо не остановили... Кстати, Марк отнюдь не был, как это принято думать о вундеркиндах, недотепой, у которого руки растут не из того места. Напротив, он был крепким и ловким парнем, отличался физической силой и спортивными достижениями, а дома умел и электричество починить, и гвоздь забить, и крышу поправить... В 1938 году, когда семья оказалась фактически бездомной, Марк активно помогал своему отцу и мужу сестры строить собственный большой дом в Новогиреево. Жизнь приучила Марка к самостоятельности с юных лет – в 1934 году умерла его мать, а отец все предвоенные годы жил и работал в Нелидово и лишь изредка наведывался к детям в Москву.

Продолжим, однако, цитирование вопоминаний сестры Марка Дуси:

«*Получив аттестат отличника, он подал на мехмат университета* (это было в 1938 году, механико-математический факультет Московского университета считался тогда одним из самых престижных в стране – Ю.О.). *На 4-й курс перешел круглым отличником (и не только на 4-й – все годы так). Не помню, рассказывала ли я такой факт. На один год старше Марка была наша двоюродная сестра, она тоже училась на мехмате, соответственно, на курс выше. Рассказывала она мне несколько лет назад, что когда она была на 4-м курсе и у ребят появлялись какие-нибудь трудности, с которыми они хотели идти на консультацию к преподавателю, другие им говорили: "Зачем на консультацию – сходи на 3-й курс к Марику Шмерлингу, он тебе все объяснит".»*

Сохранилась копия Зачетной книжки №38212 студента механико-математического факультета Московского государственного университета Шмерлинга Марка Исаевича за первые три курса до перевода в Военно-воздушную академию. Меня поразили знакомые по учебникам имена профессоров, лекции которых слушал Марк: математический анализ – Хинчин, аналитическая геометрия – Делоне, высшая алгебра – Курош, теория вероятностей – Гнеденко. Что ни имя – известный ученый, по книгам которого учились поколения советских математиков и инженеров – вот какой профессорско-преподавательский состав был тогда в МГУ. Поразили, конечно, и сплошные «отлично», поставленные Марку руками этих выдающихся математиков.

Продолжаю цитирование воспоминаний Дуси:

«Когда началась война, и Мара был с группой ребят в Подмосковье на рытье окопов, пришел приказ – нескольких лучших студентов откомандировать в Военно-воздушную академию им. Жуковского. В числе откомандированных был и Марк. (Перевод Марка из МГУ в ВВА им. Жуковского имел неоднозначные последствия: с одной стороны, это предотвратило его направление рядовым красноармейцем на фронт с почти неминуемой смертью в тяжелейших боях под Москвой, с другой стороны, именно окончание ВВА привело его, в конце концов, к гибели – Ю.О.) *Академия эвакуировалась в*

Свердловск. Мы об этом узнали уже будучи в эвакувции в Сорочинске. Марк приезжал к нам в Сорочинск на несколько дней в отпуск – это было осенью 1942-го года. Потом курсанты Академии были направлены на фронт. В августе 1944 года, когда мы уже вернулись в Москву, Марк приехал с фронта для завершения занятий в Академии, которая к тому времени снова перебазировалась в Москву. В то время в Академии организовали группу по изучению реактивных двигателей, и Марк был очень увлечен этой работой. Он жил в общежитии академии, но часто навещал нас в Новогиреево.

Марк (Витебск, 1925 год)

Марк с мамой Розой, сестрами Идой и Бетти и мужем Иды Евзелем (Женей). (Витебск, 1928 год)

Зимой 1944-го года Марк познакомился в поезде с девушкой – Зоей Зайонц, влюбился в нее, и они встречались несколько зимних и весенних месяцев 1945-го года до его неожиданной отправки на Дальний Восток.

Марк рассчитывал, что после окончания Академии он будет заниматься наукой, теми вопросами, которые его интересовали, но "некто" решил иначе. Пятый пункт действовал во всю – ему дали направление в воинскую часть в Хабаровске.»

Снова прерываю повествование Дуси, чтобы представить сохранившуюся копию диплома Марка об окончании академии. На титульном листе значилось:

ДИПЛОМ
с отличием
№ 421807

Предъявитель сего Шмерлинг Марк Исаевич
в 1941 г. поступил и в 1945 г. окончил полный курс
Инженерного факультета
Военной Воздушной Ордена Ленина Академии КА им. Жуковского
по специальности инженер-механик

и решением Государственной Экзаменационной Комиссии
от 15 февраля 1945 г.
ему присвоена квалификация военный инженер-механик ВВС КА

Печать, Подписи
Москва 1945 г.

Далее в дипломе перечень 37-и теоретических и специальных военно-прикладных дисциплин, по которым Марк сдал экзамены или зачеты, в основном, на «отлично». Оторопь берет – такого специалиста, за плечами которого 4 года обучения в Академии плюс 3 курса механико-математического факультета МГУ плюс работа в группе по изучению авиационных реактивных двигателей, отправляют в воинскую часть в Хабаровск протирать спиртом замусоренные детали самолетов.

Те несколько месяцев до известия об отправке в Хабаровск были, вероятно, самыми счастливыми в жизни Марка. Война приближалась к победному концу, впереди его ждала интересная творческая работа по созданию самолетов и ракет с реактивными двигателями, а тут еще пришло счастье первой большой любви. Исполненные нарастающей нежностью свидания с любимой девушкой наложились на радужные ожидания счастливых перемен... Все это было сломано в одночасье тупой и злобной бюрократической машиной.

С дороги в Хабаровск Марк писал сестре Бетти:

«Беттинька, дорогая моя!

О моем отъезде ты знаешь уже из предыдущих писем. Получилось это очень неожиданно, но такова уж моя профессия. Не знаю, что будет через час. Это даже интересно. На вокзале меня провожали товарищи, Дуся с Леней и Зоя. Тебя интересует последнее имя. Помнишь, я писал тебе, как встретил в поезде, когда ехал от вас из отпуска, девушку. Это она. Мы с ней встречались потом в Москве, она была у меня на выпускном вечере, в общем получилось у нас как то ужасно чудно. Стремительно как-то. Но только в последние дни, и особенно на вокзале, я понял, как она мне близка и дорога. А она пришла на вокзал задолго до отхода поезда и все время пряталась в толпе, так что я ее не видел. И только перед самым отходом позвала меня.

Беттинька, я тебе посылаю для критической оценки пару моих стихотворений

Я, быть может, тебя не встречу,
И не стоит меня вспоминать.
Я тебе про последний вечер
Нашей встречи хочу рассказать.

Улыбнулась легко – До свиданья.
Я ж, не в силах тоски погасить,
Видел, словно в знойном тумане,
Только губы, да шелк ресниц...»

На этом месте имеющийся у меня подлинник письма, написанный неразборчиво карандашом на небольшом истертом листке из блокнота, обрывается... Эти строки – прощальные стихи Марка любимой девушке Зое, учившейся на предпоследнем курсе медицинского института, грустные стихи...

Дуся вспоминала:

«Мы с Леней провожали его почти в день Победы, стояли долго у вагона, он ждал Зою, но она опаздывала, и он нервничал. Перед самым отходом поезда она прибежала, они стали прощаться, мы с Леней отошли в сторону... Когда поезд ушел, Зоя оказалась впереди нас, и я сказала Лёне: «Давай познакомимся с ней». Мы догнали ее, поговорили, я предложила ей приехать к нам в гости. Она записала адрес и приезжала несколько раз – мы подружились. Мара был этому очень рад.

Уже первые письма Мары из Хабаровска были полны пессимизма. На быт он не жаловался, не нравилась работа, не видел перспектив на дальнейшее. «Тоска зеленая» – эта фраза часто звучала в его письмах. Началась война с Японией, и Марк оказался на фронте, характер писем изменился. Он писал, что ему весело, хвалил природу и вовсе не жаловался. Война продолжалась недолго – 15 августа он уже поздравлял нас с победой. Марк писал, что его наградили «звездочкой не на эполеты, а на гимнастерку» – я поняла, что это был орден «Красной Звезды».

Марк – студент механико-математического факультета Московского университета (крайний справа) у дома Стерниных под Москвой; рядом с ним – муж сестры Марка Женя, с гитарой – отец автора Борис, внизу – племянник Марка Лёня. (Новогиреево, 1940 год)

Вернувшись на прежнее место, опять стал писать письма очень грустные, полные отчаяния... Последнее письмо было от 25 сентября 1945-го года: "Как жил, так и живу. Получил письмо от Бетти (давным-давно). Папа писал. Он интересуется скоро ли я поеду в Москву. Очень странно здесь слышать подобные варианты. Даже смешно – как полететь на Луну".

И все! Больше не писал. Я послала несколько писем ему. Потом стала писать командиру воинской части. Ответ получила только в апреле 1946-го года. Прислал мне письмо начальник политчасти Рейф. Это было не казенное письмо. Это было душевное письмо, в котором он сообщал, что 12 октября 1945 года Марк застрелился. Что похоронили его на кладбище в Хабаровске. Можешь себе представить, какой это был удар, хотя я уже была готова ко всему, но такого не ожидала – не написал ни мне, ни Бетти.

С Рейфом у меня переписка продолжалась несколько лет. Культурнейший человек. Два раза приезжал в Москву, был у нас в Новогиреево с семьей, очень тяготился (своей

службой) и мечтал переехать куда-нибудь в Европу. Бетти на свои письма в воинскую часть получила справку, что Марк погиб смертью храбрых.

Женя приехал в Москву из Сорочинска вскоре после того как я получила письмо от Рейфа, а старики (отец Дуси и Марка Исай с женой Ревеккой – Ю.О.) *задержались на 2 недели. В конце апреля они приехали. Поезд прибывал вечером, я их ждала дома, страшно волновалась – как сказать папе о Маре. Ведь он безумно любил его. Когда мы встретились – обнялись, поцелуй получился какой-то прохладный. Папа спросил: "От Мары что-нибудь получила?" – "Нет". Вот и весь разговор. Сели ужинать. Он был очень скучный. Ничего не ел. Ночью нас разбудили – с папой плохо. В доме жила врач, она велела пустить кровь. Он уже был без сознания, к утру умер. Похоронили его в Малаховке, там, где мама похоронена. На памятнике папы мы прописали и Марка.*

В 1949-м году Жене дали командировку в Хабаровск, он был на кладбище, но могилу Марка не нашел. Еще раньше, в 1946-м году я получила письмо от совершенно незнакомого мне человека, который назвался другом Марка. Он высказал мне свое соболезнование, беспощадно ругал существующий режим, сравнивал его с режимом при Николае I: "То, что сделали с Марком – это равносильно тому, как если бы гениального художника заставили красить заборы". Его письмо я, конечно, разорвала...»

Такой предстает жизнь и смерть Марка Шмерлинга глазами его старшей сестры.

Единственным источником информации о самоубийстве Марка и о его захоронении на кладбище в Хабаровске являются личные письма политрука воинской части полковника Рейфа, но ни один официальный источник, включая архивные документы, не подтвердил эту версию, и могила Марка на кладбище не найдена. Я читал письма Рейфа Иде Стерниной и не разделяю ее восторженной оценки – они показались мне отнюдь не душевными, а, напротив, холодными и даже слегка высокомерными. Мне показалось, что он строит некую удобную всем легенду, в которую родственники обязаны поверить. Впрочем, может быть, я ошибаюсь. Как бы то ни было, семья Марка постепенно не то чтобы поверила, но приняла версию самоубийства..., а приняв, превратила судьбу Марка в семейную тайну, не подлежащую разглашению и даже обсуждению – то, что, по существу, и хотело от семьи командование части... Начальство Марка неофициально внушало его близким мысль о постыдности того, что с ним случилось, настоятельно рекомендовало скрывать это, а интересующимся отвечать, что, мол, все произошло из-за неизлечимой болезни...

У меня есть своя версия гибели Марка, но я стараюсь дать максимально объективные сведения, основанные на воспоминаниях тех, кто знал его лучше меня. Вот как воспринималась жизнь и смерть Марка глазами и чувствами его племянника Леонида (из письма от 20 марта 1999 года):

«Мара был мне, по сути, старшим братом (на 8 лет старше). В школе его считали (учителя и, главное, товарищи, я этому свидетель) вундеркиндом. Он всегда все знал, был не просто отличником, а ходячей энциклопедией. Часто заменял учителей. Был очень крепок физически, был первым физкультурником – в борьбе справлялся с тремя. Внешность – Марк был шатеном с приятным лицом и прекрасными волосами. Меня он очаровывал рассказами о космических лучах, о планетах, учил электричеству, плотничеству и т.д. Я в нем души не чаял, его рассказы длились часами...

В 1938 он легко поступил на мехмат МГУ и учился на все пятерки. Кстати, учил он французский и иногда , вместе с мамой, читал французские романы...

22 июня 1941 г. он поехал в МГУ и попросился на фронт, но весь курс послали на строительство оборонительных сооружений под Москвой. При подходе немцев к Москве многие студенты погибли под бомбежкой или были окружены и уничтожены. Он остался жив. Осенью 1941 г. его, как старшекурсника мехмата, направили не на фронт, как предполагалось ранее, а учиться в ВВА им. Жуковского на военного инженера по самолетам. (Решение о создании сводного из других ВУЗов курса в ВВА им. Жуковского в 1941 г. было принято Сталиным по предложению известного летчика И.Ф. Петрова, в будущем ректора Физтеха. Книга с его воспоминаниями у меня имеется.)

Марк закончил ВВА весной 1945 г. и в числе лучших выпускников был оставлен в «реактивной группе» при ВВА, но кадрам это не понравилось. После трехмесячной работы в группе его отозвали и направили в часть под Хабаровск. Уехал он из Москвы накануне Победы. Мы с мамой и его симпатичной девушкой Зоей провожали его со слезами на Казанском вокзале.

Марк – слушатель
Военной Воздушной Ордена Ленина Академии
имени Н.Е. Жуковского.
(Свердловск/Екатеринбург, 1942 год)

Потом – письма. Мне кажется, что более сильных переживаний, чем у него, представить трудно. Тоска по родине, по консерватории (он обожал классическую музыку), по близким, по Зое, по Москве – он писал, что не только ему так хочется домой. Он никогда не боялся трудностей, не сгибался, а там он сломался. Одно письмо было чуть лучше, шла война с Японией, его представили к ордену «Красной Звезды». Потом молчание 3-4 месяца, и... письмо от комиссара части, что он... застрелился...

Возможно, Зоя отказала ему. Я этого не знаю, но она кончила мединститут и, конечно, туда ехать не хотела... Другого объяснения я придумать не мог...

И у мамы, и у меня – незаживающая рана на всю жизнь! Предсмертной записки он не оставил...

Вся переписка с ним и комиссаром, который долго переписывался с мамой, сохранилась. Когда мама получила одно из последних писем Марка, она решила, что что-то надо делать, и, отступив от своих принципов, обратилась к одному из своих учеников,

который знал Мару и был племянником маршала Г. Жукова. Он обещал переговорить с дядей, но уже было поздно...»

Такой сохранилась жизнь и судьба Марка в памяти его племянника – очень близкого ему человека.

Пора, однако, перейти от воспоминаний к анализу сохранившихся документальных свидетельств. Мне довелось в свое время собрать архив писем Марка с Дальнего Востока – бесценные памятки далекой эпохи, записанные карандашом на стершихся от времени желтоватых листках, вырванных из казенных блокнотов. Я бережно прикасаюсь к этим пожелтевшим листкам, и странное чувство соединения с той далекой эпохой овладевает мною – почти 70 лет тому назад, в офицерской казарме под Хабаровском и на военной базе среди сопок Маньчжурии, эти листки держал в своих руках человек, о котором я пишу, такой близкий и такой далекий человек... Эти пожелтевшие листки – единственное вещественное доказательство реальности существования Марка в последние полгода его жизни. Я без конца перебирал и перелистывал письма Марка, снова и снова анализировал их содержание, пытаясь найти признаки надвигающейся трагедии... Тщательный анализ привел меня к выводу о малой вероятности самоубийства, а поведение командования части после гибели Марка убедило в несостоятельности этой версии. Судите сами – перед вами обзор писем Марка с цитированием наиболее значимых отрывков.

***

Два письма из поезда Москва–Хабаровск, датированных 10 и 14 мая 1945 года: первое – сестре Бетти со стихами, посвященными Зое, второе – родственникам в Новогиреево с описанием дорожных впечатлений. Затем – первое письмо из воинской части от 31 мая; вот несколько ключевых фраз из него, отражающих настроение Марка по приезде из Москвы:

«*Мои дорогие!*

Сейчас только впервые распаковал свой чемодан и на меня нашло "лирическое" настроение...

Хотел написать вам подробное письмо..., но чтобы писать обстоятельно, не отрывками, нужно так называемое "душевное равновесие". Я же сейчас постоянно напряжен, такова уж моя работа (по-видимому, лётная часть начала форсированную подготовку к предстоящему вторжению в Японию; на старшем инженер-лейтенанте М.И. Шмерлинге лежала ответственность за техническое состояние самолетов – Ю.О.)...

Встретил здесь многих своих прежних друзей. Очень приятно встретить здесь знакомого, который тебя понимает...

Крепко–крепко целую, Мара»

В письме сестре Дусе от 5 июня Марк продолжал сообщать о напряженной работе, очень противоречиво описывал свое видение обстановки: с одной стороны, все очень плохо – «полная бесперспективность», с другой стороны, все не так уж плохо – «хорошая компания интеллектуалов»:

«Что касается моей работы, то я уже писал. Конечно трудно. (Марк только пару недель выполняет новые для него обязанности инженера-механика в действующей авиачасти, да еще во время подготовки к боевым действиям; ясно, что ему нелегко – Ю.О.). *Но самое главное не в этом. Хуже всего то, что нет возможности ни писать, ни*

читать (это, по-видимому, преувеличение, вызванное еще не вполне понятным кругом обязанностей – Ю.О.). *Слишком напряжен. Сейчас, правда, привыкаю. Но все равно, времени нет. К тому же полная бесперспективность...*

Здесь у меня нашлось много моих товарищей по учебе. О Леве Олбштейне я тебе говорил. Это большая поддержка. Есть с кем поговорить. В общем, у нас компания, как мы называли, "интеллектуитов".»

Следующее письмо от 25 июня, адресованное сестре Дусе в Новогиреево, показывает, что Марк постепенно осваивается и с новой работой, и с новой обстановкой – оно почти целиком состоит из стихов (нашлось время писать и даже сочинять!). Письмо заканчивается «небрежной», как бы всколзь брошенной просьбой прочитать их Зое: «*если она действительно придет, можешь прочесть ей эту писанину*». Вот одно из стихотворений:

«*Растянувшись в траве на степном берегу,*
Смотрю на желтеющий путь.
Влюбленные рельсы рядом бегут,
Чтоб вместе в степи потонуть.

И где то, до края земли добежав,
Слились в серебряный жгут;
А к рельсам на свадьбу уж туча-баржа,
Да тучки– лодки плывут.

Я тоже к счастливым на праздник мчусь,
В ладонях подарки сжал;
Но рельсы ползут, не сближаясь ничуть,
По спинам горбатых шпал.

Уж тысячи верст у меня позади,
И бросил надежду догнать я
Тот призрачный край, где всех позабыв,
Рельсы сплелись в объятьях.

Бывает приятна ложь розоватая,
Но жесткою правдой надежду ранив,
Ее уж не склеишь кисейной заплатою,
Не вылечишь сладкой микстурой обманов.
.....
Спокойно я слушаю рельсов гул –
Чувства и память в железо замкнул.»

Чудные лирические стихи с мощным финалом, написанным человеком зрелым и сильным!

Следующее письмо от 16 июля тоже адресовано Дусе – о вещах бытовых:

«*Дусенька, родная моя!*

Во-первых, могу тебя порадовать тем, что уже неделю как не курю... Сейчас лежу в госпитале, т.е. хожу в белом костюме ... и зубоскалю с сестрами. Болезнь – нечто среднее между насморком и потерей аппетита – сугубо дальневосточная хворость... К

обеду мне доктор выписывает "маленькую", и на меня с завистью смотрят мои соседи по столу. (Размышляя о странной болезни Марка, которую он сам с иронией называет "дальневосточной хворостью", можно предположить, что это было то, что сегодня называют депрессией; в те годы дальневосточные врачи имели слабое представление о сути этого недуга и лечили его с помощью 250 грамм водки к обеду– Ю.О.)

Что касается употребления водочного вообще, то я весьма сдержан, хотя имею возможность пить все время прекраснейший спирт и угощать своих друзей, сохраняя возможность посылать вам все деньги. Но я человек весьма тверезый, когда дело касается водки.

В прошлый раз, между прочим, я деньги не выслал, они и разошлись по всяким мелочам, так что стыдно уже было посылать. Хочу сейчас купить еще часы, ибо носить с собой тяжеленные самолетные – не совсем прилично. Коль уж пошли разговоры на такие темы: получаю в месяц 1100 р. чистыми...(т.е. за вычетом всех налогов и взносов; зарплата квалифицированного рабочего в промышленности была тогда примерно 400–500 рублей – Ю.О.)

Расскажу забавный разговор с одним местным старожилом..., который мне стал доказывать, что он сильнее меня хочет вырваться в Москву... Ну, хорошо – сказал он – съел бы ты кусок г...на вот с эту тарелку, чтобы уехать в Москву? Я – говорит – съел бы, не задумываясь! Тут я увидел, что я еще щенок, ибо я все же не съел бы... (Марк, при всей своей интеллектуальной зрелости, действительно был в некоторых вопросах наивным "щенком" – не понимал, что "старожил" докладывает кому следует содержание их разговоров. А, может быть, он намеренно затевал со старожилом крамольные разговоры, да еще описывал их для надежности в письмах, проходящих цензуру? – Ю.О.)

Туземные женщины при всей своей привлекательности говорят "бегит" вместо "бежит", "лягет" вместо "ляжет" и т.д., а ты знаешь, Дусенька, как на меня действуют подобные обороты, если собеседник претендует на "вумную беседу"...

Пишут мне все регулярно, но Бетти не написала еще ни одного письма...»

Через три дня, 19 июля, сразу после выписки из госпиталя, Марк пишет большое письмо в Новогиреево – в нем и наставления Лёне относительно того, как нужно беречь здоровье, и обсуждение с Дусей литературной борьбы двух известных поэтов – «*досужих рифмачей*», которых он не называет, но которых Дуся определенно должна угадать, и многое другое... У меня сохранились только 4 страницы этого письма, да и в них многие строчки до того стерлись, что различить текст уже едва ли возможно. И тем не менее я скоро понял, что в этом письме за дымовой завесой литературно-бытового многословия Марк сжато излагает старшей сестре внезапно открывшуюся ему тщетность его жизни, жестокое и беспросветное разочарование в прежних идеалах... Я понял, что это самое откровенное и важное письмо – исповедь человека, попавшего в чуждую и даже, может быть, враждебную среду. Вот что удалось прочитать из существенного (жирным шрифтом мною выделены некоторые ключевые фразы):

«*Дусенька, когда получаю письма от вас...* (неразборчиво)*... радостно, как будто хоть недолго, но побывал с вами. Не думай, что я такой нытик и вообще размазня, что не в силах закрутить отчаянный роман с жизнью, а что я могу только легко флиртовать с этой неутомимой бабой, рисуя ее себе какой нибудь блоковской розовой раскрасавицей. Поверь, родная, что всякие* ***трудности меня могут только разозлить****, дело не в них. Гораздо хуже то, что* ***это постоянно. Это трудно доходит, но это так. Пока я не***

верю, иначе будет совсем тяжело. *Ведь теперешняя моя жизнь не имеет ни одной точки соприкосновения с таким мной, как ты меня представляешь, и какой я есть. Вымереть и ждать пока родится новый? Какой нибудь "туземец"?*

Дусенька, прости, что расстраиваю тебя, но больше некому об этом написать. Ты ведь самая самая близкая у меня, сестричка моя.

(*А все же* – зачеркнуто) ***всю жизнь сосать всяческие абстракции, на них и выкормиться****; не успевать из-за этого хлебнуть полной кружкой жизнь, а пить ее по капле, через соломинку – и все* ***для того, чтобы вместо ожидаемого "фаустовского древа жизни" все предстоящие годы либо постепенно вымирать****, либо жить воспоминаниями (о чем?). И вообще – жить прошлым либо* ***жить вне времени и пространства нельзя****.*

Все что я пишу очень и очень тривиально, но невольно говоришь тривиальное "Ой!", когда получаешь оплеуху.

Зое я говорил как-то перед отъездом: «Граф Монтекристо из меня не вышел, приходится переквалифицироваться на управдома». Но видно – даже не на управдома, ибо быть в Москве управдомом не так уж плохо, он с моей теперешней точки зрения просто неразличим от Монтекристо. Помнишь, еще в бытность в Университете, как невысоко ставил я преподавание в средней школе. Мне просто смешно сейчас об этом вспоминать.

Ну, хватит об этом (зачеркнута целая строчка)*...»*

Это письмо говорит – и в явном виде, и между строк – о многом, оно заставляет задуматься об истинных корнях дальневосточного пессимизма Марка, о причинах его почти постоянного депрессивного состояния. Вникая в переписку Марка с близкими, я подчас не мог понять сути той безысходности, которой пронизаны некоторые его мысли и высказывания. Конечно, потеря любимой научной работы, удаленность от близких людей и любимой девушки, малопригодное для духовного общения окружение, грубость офицерской жизни, местный убогий провинциальный быт – все это не могло внушать ему оптимизм. И тем не менее, Марк не мог не понимать временности этого отчуждения от цивилизации. Обещая шаху за 10 лет обучить своего ишака разговаривать, Ходжа Насреддин разъяснял – за десять лет либо шах умрет, либо ишак сдохнет. А ведь через 10 лет Марку было бы всего 35 лет! В чем же дело? Почему он, сжав зубы, не настроил себя на достаточно длительное ожидание перемены в своей судьбе? Почему уже через несколько месяцев службы в Хабаровске он впадает в состояние нарастающей депрессии?

Данное письмо заставляет задуматься о том, что депрессия Марка и его представление о безысходности проистекали не только от дальневосточной отчужденности, но крылись и в более общих обстоятельствах – глубоком разочаровании во всей системе идеологических ценностей, которые были вбиты ему в голову, в потере веры в справедливость советского общественного устройства в целом... Как иначе можно понимать этот эмоциональный выкрик: «*всю жизнь сосать всяческие абстракции, на них и выкормиться..,. и все для того, чтобы вместо ожидаемого "фаустовского древа жизни" все предстоящие годы... постепенно вымирать...»*? Как иначе можно было сказать о своем неприятии «всяческих абстракций» в подцензурной переписке? Можно спорить о сути «всяческих абстракций», о том, какой конкретный смысл вкладывал в эти два слова Марк, но очевидно – это то, чему его учили всю жизнь. Думаю, речь идет не о математике и не об аэродинамике... О чем же тогда? О том, что содержалось в серьезном остатке его воспитания – советской идеологии. На Дальнем Востоке Марк внезапно

осознал, что тиранство «всяческих абстракций» будет преследовать его не только в хабаровском военном гарнизоне, но везде и повсюду, он понял, что это – навсегда, что это – «постоянно» (ключевое слово!)... В подцензурной переписке вряд ли можно было выразить выстраданное им понимание более сильно: «*Гораздо хуже то, что это постоянно. Это трудно доходит, но это так. Пока я не верю, иначе будет совсем тяжело.»* Слова «*трудно доходит*» здесь ключевые! Марк подчеркивает этими словами, что до него «трудно, но дошло» – ему не будет места в этой жизни не только на Дальнем Востоке, но и повсюду в Советском Союзе. Он сопротивляется, он старается не верить в это, ибо «*иначе будет совсем тяжело*», но мысль эта не оставляет его...

Таким мне видится разрешение противоречия между чувством безысходности, овладевшим Марком на Дальнем Востоке, и пониманием им неизбежной временности своего пребывания в дальневосточной ссылке. Марк был человеком чрезвычайно тонкой духовной организации, он чувствовал, куда вся система неизбежно скатывается...

В промежутке между 19 июля и 15 августа 1945 года Марк писем не писал – не до писем было. Авиасоединение, в котором он служил, входило в 10-ю воздушную армию 2-го Дальневосточного фронта и принимало непосредственное участие в боевых действиях советско-японской войны в августе 1945 года. Письмо Марка от 15 августа короткое, но, по контрасту с письмом от 19 июля, вполне оптимистичное:

«Мои дорогие!

Во первых, поздравляю вас с победой. Только начали воевать – и уже до смерти перепугали японцев... (Японцев, на самом деле, “до смерти перепугали” не советские войска, а 2 атомные бомбы, сброшенные американцами на Хиросиму и Нагасаки с интервалом в 3 дня; после Нагасаки, т.е. с 9 августа, японцы практически прекратили серьезное сопротивление на всех фронтах – Ю.О.)

Места здесь довольно красивые – кругом сопки. (Марк довольно прозрачно намекает, что находится в Маньчжурии, через ассоциацию с популярным старинным вальсом “На сопках Маньчжурии” – Ю.О.)

Что касается моей жизни – живу прекрасно. Здесь весело, даже веселее, чем на западе. (Слова “здесь веселее, чем на западе*”* являются, конечно, иносказанием, аллегорией: на западе жизнь вошла в стандартное русло тоталитарного идеологического насилия, а здесь, на востоке, идет война, хотя бы на время открывающая шлюзы свободного человеческого сознания – Ю.О.)

Ну, пока, крепко целую вас, Марк.

Приписка: *Хотел бы угостить вас трофейными конфетами и печеньем, они, правда, дряненькие, но все же – экзотика... Дусенька, если зайдет Зоя, передай ей привет.»*

Это «*живу прекрасно*» нужно понимать, конечно, в ёрническом смысле, тем не менее настроение у Марка на подъеме – победоносная война возрождает надежду на перемены к лучшему, и он вспоминает о Зое. Этим настроением пронизано и следующее письмо из Маньчжурии от 17 августа, написанное на «нежнейшей и воздушнейшей» японской или китайской бумаге:

«*Сейчас солнце печет так, что моя бедная бритая голова зашипит, если плюнуть на макушку. Дело в том, что я сбрил свои золотые кудри по местному образцу и немного опалил солнцем бритый череп.*

Живу весело. Вообще, когда в жизни появляется временной фактор (все равно, что это такое, лишь бы пропадало чувство окончательного обоснования и совершенной неизменности) – я сразу веселею. Из меня вышел бы, вероятно, полноценный профессиональный бродяга...

Люди не моего характера весьма увлечены прелестями местной природы (намек на любовные похождения офицеров; следует, вероятно, читать "увлечены прелестями местных девиц" – Ю.О.). *Я же удовлетворяюсь тем, что любуюсь сопками и ношу портянки из японского флага...*»

После этого вполне оптимистичного письма наступил месячный перерыв в переписке – по-видимому, авиачасть в это время перебазировалась из Маньчжурии на прежнее место под Хабаровск, и Марку было не до писем. Вернувшись на базу в Хабаровске, он пишет в Новогиреево свое последнее короткое письмо на полутора блокнотных страничках, датированное 25 сентября 1945 года. Вот его полный текст:

«*Мои дорогие!*

Очень давно не писал уже вам. Все время ожидаю каких-нибудь изменений, поэтому и не пишу пока. Собираюсь поехать в... (неразборчиво)*, на Южный Сахалин. Приятная прогулка. Здесь у меня (никаких изменений* – зачеркнуто*) ничего нового нет. Как жил, так и живу. Пару дней провалялся в кровати. Болезнь была весьма авантюрная. Просто немного "гитарных ран"* (возможно, Марк намекает, что отлеживался после тяжелой офицерской попойки по случаю победного возвращения на свою базу; не исключено также, что это был приступ депрессии – Ю.О.).

Имел одно письмо от Бетти (давным-давно), больше не получал. Папа тоже писал. Он интересуется, скоро ли я поеду в Москву. Очень странно здесь слышать подобные варианты путешествий. Даже смешно – как полет на Луну. (Первый полет человека на Луну состоялся через 23 года после этого письма Марка, ему было бы всего 48 лет – Ю.О.)

Ну, вот и все, что вкратце можно о себе написать. Дусенька, не обижайся, что пишу кратко. Ведь письма другого характера (например, лирические, философские, юмористические, драматические, трагические, поэтические и т.д.) требуют определенного настроения...

Крепко-крепко целую всех, Мара

Приписка: *Адрес у меня прежний.*

Когда родственники получили это письмо, Марка уже две недели как не было в живых. Впоследствии его близкие перечитывали письмо много раз – ведь оно последнее. Искали признаки надвигающейся трагедии и... не находили их. Да, письмо невеселое, но и не мрачное, а скорее, как пишет сам автор, – без «*определенного настроения*». Оно не содержит острых новостей кроме сообщения о предполагаемом перебазировании авиачасти на Южный Сахалин, что ничего принципиально не меняло в жизни Марка, а при его склонности к любым переменам, скорее взбадривало, чем подавляло. Кроме того – человек с суицидными настроениями не спешит информировать родственников – «*Адрес у меня прежний».*

***

Мы не раз обсуждали с моим двоюродным братом Лёней сомнительную версию самоубийства Марка. Вот что он мне рассказывал в письме от 27 июня 1999 года:

«Теперь о Маре. Еще раз обдумывая обстановку тех лет, прихожу к мысли о возможной инсценировке самоубийства. Кому нужен был офицер, член партии, который рвется обратно в Москву, когда нужно осваивать Сахалин, Курилы и т.д.? Его мысли, видимо, были известны начальству. Быть может, и некоторые его письма направлялись в спецчасть. Он не получал Зоиных писем, а она писала. Значит писала так, что их нельзя было ему читать(?!). Не исключено, что он попал «под колпак». Потом последовал запрос в верха, что делать с ним при таком настрое? Ответ сверху – понятен. (Эти предположения, на самом деле, есть четкий и реальный сценарий происшедшего – Марк стопроцентно был под постоянным наблюдением спецслужб, его переписка прочитывалась и анализировалась, а его начальство, в том числе полковник Рейф, прекрасно знали о «нездоровых» настроениях молодого офицера – Ю.О.)... *И тут у меня возникают другие подозрения. Не было ли здесь более простой причины. Как-то он написал, что ведает спиртом. Может он не давал кому-то нужные дозы? И это тоже могло стать причиной...*

В Архиве мне сказали, что его дело имеется и мне его можно посмотреть, но там причина смерти также не упоминается. Все обстоятельства, якобы, имеются в другом месте, за семью печатями – в архиве 10-й воздушной армии. В разделе архива «Потери офицеров» нашли его карточку, но сведения в ней завершаются июнем 1945 года...

Понимали ли какого Человека они отправили на тот свет? И в МГУ, и в Жуковке профессора видели в нем будущую звезду в науке... Пока больше писать не могу...»

***

Почти все сведения о гибели Марка шли от одного человека – заместителя командира дивизии по политической части полковника Григория Абрамовича Рейфа. Его многочисленные, пространные письма Иде Исаевне Стерниной составляют значительную часть моего архива документов по делу Марка. Ида тоже послала много писем полковнику – она цеплялась за эту переписку, как за последнюю ускользающую связь с любимым братом, и нужно отдать должное Григорию Абрамовичу – он понял эту свою миссию и длительное время поддерживал переписку с Идой, пытаясь облегчить ее страдания бодрыми сентенциями о полезности деятельной жизни. Мы здесь приводим выдержки из писем полковника Рейфа, относящиеся к существу дела, за которыми следуют наши комментарии. Вот выдержки из его первого письма от 4 марта 1946 года:

«*Здравствуйте тов. Стернина!*

Дважды командир сообщал о судьбе тов Шмерлинга, но письма ему от Вас и его друзей продлжают поступать – поэтому решил написать Вам сам.

12 октября 1945 г. в 7 ч. утра тов. Шмерлинг у себя в комнате покончил жизнь самоубийством, выстрелом в висок.

В своих записках, их было три – командиру, соседу, девушке в Москву, он просил простить его за неприятность, которую он причиняет этим актом и объясняет свой поступок "черной скукой", отсутствием "жизненной нити" и т.п. пессимистич. мотивами.

Тов. Шмерлинг работал в нашей части около 5 месяцев, работал хорошо, от общественной работы не отказывался, уважением товарищей, командира, подчиненных пользовался. В беседах – служебных, частных – настроений нездоровых, неправильных не высказывал, что возможно объяснялось его характером – несколько скрытным и замкнутым. Его смерть была для нас неожиданной, ибо обстановка, условия его работы

и жизни не давали повода и основания к потере не только служебной, но и жизненной перспективы, к неудовлетворенности, к "черной скуке" (Я имею в виду, конечно, условия того места, района, края, где он и мы все работали, работаем и будем работать). Видно эта болезнь пришла с ним из среды до академической или академической ...

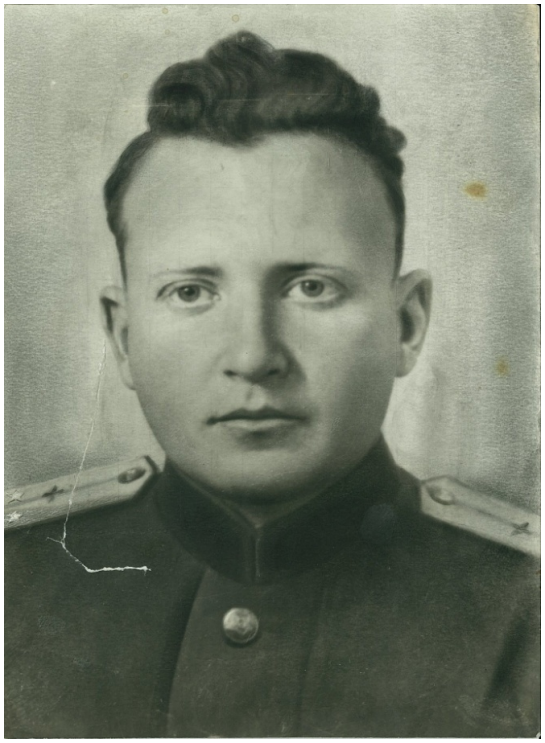
Записку девушке в Москву командир отправил с первым сообщением...

Вещей у него не осталось...

Похоронен он в Хабаровске...

Желаю вам, его родным, близким, друзьям мужественно перенести и пережить эту весть.

Г. Рейф, Полевая почта 65343»



Инженер-лейтенант
Военно-воздушных сил
Красной Армии
Шмерлинг М.И.

Последняя фотография Марка
(Москва, 1944 год)

На обороте этой маленькой
фотографии надпись
«Дорогому Юрочке от военного дяди.
31 декабря 1943» –
мне исполнилось в тот день 6 лет.

Странное письмо – жуткая, почти натуралистическая оголенность трагедии и неправдоподобие фактов, человеческое сочувствие и сухая казенная риторика...

«*Дважды командир сообщал о судьбе тов. Шмерлинга*» – кому сообщал? Почему никто эти сообщения не получил? Почему и сейчас, через почти 70 лет следов этих сообщений не найдено? Почему замполит не прислал или не передал родственникам хотя бы копии сообщений командира? Командир был обязан, в первую очередь, написать отцу погибшего офицера, адрес отца был командиру известен, отец никуда не выезжал со своего постоянного места жительства в Сорочинске до конца апреля 1946, но он никакого известия из воинской части не получил и умер в Москве, так и не узнав о судьбе сына. Если, предположим, письма отцу не дошли, командир был обязан сообщить о смерти офицера в ближайший военкомат и попросить лично передать отцу эту весть. Почему он этого не сделал? Те же вопросы возникают относительно писем другим родственникам

Марка и писем его невесте Зое, если таковые были. Замполит утверждает: «*Записку девушке в Москву командир отправил с первым сообщением...»,* но Зоя письмо не получила, ничего о случившемся не знала и через полгода после смерти Марка еще посылала ему любовные письма...

Какое-то таинственное, тотальное исчезновение **всех без исключения писем**, якобы, **дважды** отправленных командиром авиадивизии по разным адресам – родственникам и девушке погибшего офицера. Невольно возникает единственное возможное объяснение – никаких писем не было, и никому из родственников командир части о смерти своего офицера не сообщал! Почему не сообщал – об этом позже...

Весьма странным выглядит также список адресатов предсмертных записок Марка. Зная Марка, трудно поверить, что он, тщательно подготовившись свести счеты с жизнью, из всех близких написал записку только любимой девушке, но не озаботился написать хотя бы краткие прощальные письма отцу, своим любимым сестрам и племяннику – такое просто в голове не укладывается.

Неправдоподобность истории с исчезнувшими письмами командира и сгинувшими в небытие предсмертными записками политрук компенсирует претендующими на бытовую достоверность жуткими подробностями смерти Марка (из письма Иде Стерниной от 20 июня 1946 г.):

«*Вы уверены, что этот акт он совершил в порыве отчаяния, в состоянии афекта. Нет. Я видел его комнату, я вошел в нее почти первый, читал оставленные документы и могу сказать, что умер он, обдумав этот шаг. Он оставил записку служебного содержания; что надо сделать с таким-то самолетом, что сделать с горючим, как быть с инструментом и т.д. Он указал, что продать и кому выплатить долги. Долги небольшие по 100 р., по 80 р.*

Он снял с кровати постель, шубы, чтобы не запачкать ее кровью.

Он почти сам подготовил себя к погребению, т.е. снял сапоги, одел чистые носки, снял ремень...

Он уничтожил все письма, все ненужное...

Оставленные записки – короткие, написаны почти спокойным почерком, стиль записок шутливо-деловой...»

Все эти литературные изыски Г.А. Рейфа не подтверждаются ни одним другим источником – ни официальным, ни частным. Даже парторг части, в которой служил Марк, в своем полуофициальном письме сестре Марка Бетти Шмерлинг ни словом, ни намеком не упоминает самоубийства. Вот это письмо без сокращений:

« *Полевая почта 65343 30 марта 1946 года*

Уважаемая Бетти Исаевна!

Получил Ваше письмо датированное 26.02.46 года на имя Вашего брата Шмерлинга Марка Исаевича, который служил в нашей части старшим техником (??? – Ю.О.) *лейтенантом.*

Вы в своем письме к брату (у парторга даже мысли не возникает о незаконности чтения чужих писем! – Ю.О.) *вполне законно* (о законе вспомнил парторг! – Ю.О.) *выражаете беспокойство, хотя о случившемся командованием части было сообщено дважды* (кому было сообщено? – обратите внимание, что эта версия о двукратном сообщении муссируется постоянно без упоминания адресатов – Ю.О.)

Я как парторг части считаю своим долгом еще раз сообщить Вам Бетти Исаевна:

Марк Исаевич погиб 12 октября 1945 года и похоронен в г. Хабаровск. Командование части выносит Вам и Вашей семье чувство глубокого соболезнования и разделяет вместе с Вами ту тяжелую утрату которую Вы переживаете.

С уважением к Вам Подпись неразборчива»

***

Вот, собственно говоря, и вся документальная часть этой истории – несколько писем Марка, несколько личных писем комиссара авиадивизии сестре Марка Иде и одно полуофициальное письмо парторга авиачасти сестре Марка Бетти.

Обстоятельства трагической гибели Марка Шмерлинга до сих пор не выявлены, надежда на их прояснение тает, архивы полностью не раскрыты, раздаются призывы вообще их уничтожить и забыть все старые могилы времен сталинщины – уж очень много их, со всеми не разобраться. Но у Марка и могилы нет... Как и все, я не знаю и, вероятно, никогда не узнаю, куда скинули его тело... Однако в одном уверен – Марка убили в гарнизоне воинской части (*Полевая почта 65343*) 10-й воздушной армии Дальневосточного фронта, где он служил. Кто исполнитель или исполнители, как убили, за что убили – не знаю, но что убили и постарались скрыть труп – это ясно!

Версия самоубийства не проходит по многим признакам.

Последнее его письмо от 25 сентября 1945 года, как и многие предыдущие письма, грустное, но не отчаянное. Он пишет иносказательно, что его часть переводят на Южный Сахалин, грустно иронизирует по этому поводу, равно как и относительно гипотетической поездки в Москву, равнозначной полету на Луну. Не конкретизируя, пишет об ожидании перемен, просит сестру Дусеньку не обижаться на краткость письма... В письме нет предсмертного настроения, нет ни единого намека на какие-то новые обстоятельства, не оставляющие ему никакого выхода кроме... И вдруг, через две недели, 12 октября 1945 года, по версии политрука авиасоединения, Марк кончает жизнь самоубийством...

Что могло произойти в эти две недели, чтобы талантливый, молодой и здоровый человек, выпускник военной академии, в мирное время после победы, на первом году своей самостоятельной работы (хотя бы и нелюбимой) застрелился? Как мог на это решиться в течение тех двух роковых недель интеллигентный, добросердечный и отзывчивый человек, у которого есть страдающий за него отец, любящие его до беспамятства близкие, есть любимая и любящая его девушка? Мы не знаем и не допускаем появления таких тяжких новых обстоятельств, которые могли бы привести такого человека, как Марк, к безумному решению...

Версия о неожиданном известии о переводе авиачасти на Сахалин, как причине самоубийства, не работает – Марк знал об этом переводе еще до написания последнего письма и не считал Сахалин значительным ухудшением по сравнению с околохабаровской дырой, а дальше Сахалина не пошлют – некуда... Я думаю, что склонного к переменам Марка перевод на Сахалин должен был скорее взбодрить, чем угнетать.

Версия о получении письма от Зои с отказом от дальнейших отношений не проходит по двум причинам. Во-первых, ее письма не доходили до Марка – они задерживались садистами-церберами из спецчасти. Во-вторых, если даже предположить, что одно из ее писем случайно (или в порядке садистского издевательства) достигло его именно в период между 25 сентября и 12 октября, то оно не могло содержать ничего такого, что вызвало бы столь катастрофическую реакцию. Мы располагаем копией более

позднего письма Зои от 26 марта 1946 года, когда она еще не знала о смерти Марка. Вот выдержки из того письма:

«Марик, родной!

Все-таки не могу не писать. Где-то в глубине теплится надежда, что раньше или позже ты получишь мои письма...

У меня сейчас очень тяжелое время: начинается распределение на работу. Выбор очень большой: весь Союз, начиная от Кенигсберга и кончая портом Дальним. Но что мне выбирать, когда сердцем меня тянет туда, где ты – все равно Курильские острова, Сахалин или Северный полюс.

Марк, я знаю, что писать это тебе – значит потерять всякую скромность, гордость... И поверь, мне страшно тяжело, что я почти навязываюсь, ведь я знаю, что ты не хочешь, чтобы я туда ехала к тебе, ты считаешь, что не имеешь права «калечить» мою жизнь. Но как мало ты веришь в меня! Я не могу тебе много писать, я всегда боялась громких слов, а здесь мне приходят на ум именно они...

И вообще, так горько и тяжело у меня на душе, что вместо слов одни слезы выводятся на бумаге...»

Бедная девочка, она словно предчувствует трагический финал своей любви. Скорбная повесть о двух влюбленных, жаждущих простого, бесхитростного счастья – быть вместе, но свирепо разлученных навсегда садистским бесчеловечным режимом – «*нет повести печальнее на свете...*» Нет, не могла эта девушка довести своего любимого до самоубийства. Напротив, даже сам факт ее существования был для Марка мощным стимулом к жизни.

Таким образом версия самоубийства, на мой взгляд, придумана, чтобы скрыть истинное преступление и, подкинув ее родственникам, заставить их замкнуться и молчать. Поведение командования авиачасти, состояние доступных архивных материалов определенно и однозначно подтверждают этот вывод.

Почему командование авиачасти и 10-й воздушной армии не сообщило отцу и родственникам официально и немедленно, т.е. в середине октября 1945 года, о смерти своего офицера? Почему не сделало это заказным уведомительным письмом, телеграфом, по военной телефонной связи, через военкомат, нарочным – любым другим вполне доступным цивилизованным способом, а вместо этого задним числом рассказывало басни о «двукратном сообщении», которого никто и никогда не получал? Почему командование авиачасти не отправило надлежащим образом труп офицера его родственникам для захоронения по их желанию? Почему командование авиачасти не сообщило родственникам официально и немедленно о месте его захоронения? Почему комиссару авиачасти потребовалось почти полгода, чтобы сочинить личное (неофициальное) письмо родственникам о гибели подчиненного ему офицера, и почему его информация о месте захоронения оказалась ложной? Почему командир части так и не ответил на запросы Иды Стерниной о судьбе ее брата? Почему ни в одном официальном документе нет ни слова о самоубийстве?

Даю несложные и довольно очевидные модификации общего ответа на эти вопросы – потому что командование пыталось скрыть и замазать факт убийства офицера, старшего лейтенанта своей части, тянуло время и обрабатывало свидетелей убийства, скрывало труп от возможной экспертизы, запрашивало у вышестоящих инстанций санкции на сокрытие преступления, нервничало и дергалось, опасаясь непредвиденных

действий родственников. Не зная конкретных деталей всей этой преступной и аморальной деятельности командования авиачасти, могу лишь констатировать, что вся операция была проведена ими вполне успешно, без потерь – и концы в воду! Никто не наказан, все получили очередные ордена и воинские звания, ничего не вышло наружу, сор остался в избе, в официальных архивных документах ни слова о происшествии – тишь, да гладь...

Это чудовищно, это не укладывается в голове! В каком еще человеческом обществе, в каком государстве, в какой стране может случиться такое? В мирное время в воинской части, в тесном офицерском общежитии погибает инженер-механик, старший лейтенант, и его начальство не только не сообщает о трагедии отцу и близким родственникам погибшего, но в течение полугода скрывает этот факт, избегает огласки, а потом сочиняет для родственников басню о самоубийстве и опять юлит, избегает расследования, замазывает и скрывает факты? Замазывает и скрывает так, что и сегодня, через 60 с лишним лет, родственники не знают, что же случилось с их любимым человеком 12 октября 1945 года на далекой авиабазе под Хабаровском... Нелюди что ли окружали нас в той стране? Или люди-убийцы?

Я сознательно избегаю муссировать антисемитскую составляющую трагической судьбы Марка Шмерлинга, хотя она здесь явно присутствует. В 1945 году советский государственный антисемитизм приобрел вполне организованные формы. Судя по некоторым воспоминаниям, военно-воздушные войска, вероятно, в силу более высокого образовательного уровня, лидировали в антисемитских проявлениях. История отзыва Марка из исследовательской «реактивной группы» ВВА им. Жуковского и его отправка на службу в далекий авиационный гарнизон явно отдает юдофобским душком. Столкнулся ли он с этим душком в тамошней офицерской среде и сыграло ли это роль в его смерти, мы не знаем. Впрочем, повторяю, история гибели Марка достаточно вопиюща и без антисемитской составляющей...

Я смотрю на последние фотографии Марка, молодого, красивого человека с высоким лбом и спокойным вдумчивым взглядом, и думаю без всякого преувеличения и пафоса – вероятно, человечество потеряло потенциального ученого масштаба Нобелевского лауреата. Многие ценили гигантскую силу его ума, знали, что он, «как ссыльный небожитель», видит больше и дальше, чем окружающие, понимали, что его необыкновенный «хрустальный» талант нужно оберегать от тупой «железной» силы. Не уберегли... Кровавыми железными сапогами разбили и затоптали бесценный хрустальный сосуд...

Преступный сталинский режим не только убил Марка Шмерлинга – талантливейшего человека, подававшего надежды стать звездой советской науки, – но и с садистским издевательством вынудил семью стыдливо скрывать обстоятельства его смерти, превращая это сокрытие в некую негласную семейную традицию.

Мы этим очерком намерены вдребезги разбить эту навязанную нам подлую традицию. Мы не позволим вычеркнуть нашего выдающегося современника и близкого нам человека – Марка Исаевича Шмерлинга – из памяти потомков, мы преклоняем колени перед его прекрасной жизнью и трагической смертью...

Юрий Окунев
Июнь 2011